

МЕТКА

Художественные миниатюры

СЕРГЕЙ БАГРОВ

Сергей Петрович Багров родился 8 января 1936 г. в Тотьме. Закончил Тотемский лесотехнический техникум, где учился вместе с Николаем Рубцовым, и Пермский госуниверситет. Первую книгу рассказов выпустил в 39 лет, потом его проза издавалась в Ленинграде, Архангельске, Вологде и Москве. К 70-летию Н.М.Рубцова выпустил книгу воспоминаний о нем. Член Союза писателей России. Живет в Вологде.

ДО УТРА ДАЛЕКО

Спит утомлённая Вологда, покрытая тёмными облаками. Ночь. До утра далеко. В облаках, словно кто их вспомнил, обнажилась луна.

Не прошло и минуты, луна завладела кварталами города. Мёртвый свет её заиграл на битуме крыш, заскользил и по окнам, влетая в квартиры, чтобы по лицам заснувших людей угадать: кому не дано омрачить эту ночь? Кто заблудится в ней? И кого ожидает небесная слава?

ЖАДНАЯ ПОЧВА

Лето пришло и уходит, как уходит за сумерками прохлада, оставляя нам вздохи и шорохи синих ночей, на которых рождается свежее утро с его зыбким рассветом, росой и стеснительно-девственной тишиной. В тишине по ладошкам травы серебристым горохом катятся капли, которых так много, и так они бойко стучатся о землю, что слышишь влажное чмокание губ, с каким их глотает, обмякнув от счастья, жадная почва.

РАЗГНЕВАННЫЙ ВСАДНИК

За аллею берёз упало вечернее солнце. В небе стало темно, а в аллее светло, словно вместе с зарёй, затопляя стволы и газоны, хлынула огненная стремнина, за которой на красном коне гарцевал разгневанный всадник.

Анатолию МАРТЮКОВУ БУДЕТ ГРОЗА

Летняя тёплая ночь. Была она тихой. Но вот что-то сдвинулось в ней. По стёклам мазнули первые капли. И ветер прошёлся по крышам, сдувая с князьков ночующих птиц. А около леса, над краем деревни развёрзлось, и в свете сверканья открылась нора, как загадочный ход из небесного мрака на тёмную землю.

Кажется, будет большая гроза.

НА МЕРТВОМ КОНЕ

Все люди, в какой бы стране и в какое бы время ни жили, так и так проходят через тоску.

Что такое тоска? Это зов самых близких, тех, кто любит тебя, но кого уже нет. Потому и похожа она на печальную всадницу, что несется к тебе с того света на черном, как смерть, скакуне, освещая свой путь пугающими очами.

СВЕТО-БЛАГОДАТЬ

Зеленый луг лоснится от жары. У луга отвоевана низина скошенной травы. Здесь, облачившись в белые одежды, две рослые молодки и плечистый в тапочках мужик возводят стог. Под берегом, где плещется ручей, пьют воду, намокая, три косы. На косовищах, трепеща пером, нашли прохладу и приют грач, галка и ворона.

Повсюду тишина, чуть сладковатый запах корневой земли и исходящая от солнца свето-благодать, обнявшая все перегибы, склоны и равнины солодеющего луга.

*Юрию Тимофеевичу
АВЕРЬЯНОВУ*

СПОКОЕН И СИЛЁН

Зачем роптать? Искать какую-то защиту? Кому-то нравится? Стремиться к власти? Кого-то упрекать? Ты в позднем возрасте. Ты ограничен в средствах. Однако ты спокоен и силён. Силён той самой думой, какой живет сегодняшний народ. Ты думаешь о лучшей доле, а также о рыбалке, о грибах и ягодах в лесу, об урожае в огороде, о здоровье близких. О том же думает и твой народ.

ДЛЯ ЧЕГО?

Никому не дано постичь: для чего мы явились в сегодняшний мир?

Для того, чтоб, оставив потомство, как ни в чем не бывало уйти из него? Если так, то зачем проходить сквозь

младенчество, детство, молодость, зрелость и старость к той ненужной черте, за которой уже ничего нас не ждет, кроме вечного неба и звезд, поглощающих наши мятущиеся искания?

ПЬЯНЫЕ КАПИТАНЫ

Где-то в пределах Вселенной летает вокруг горящей звезды такая же точно, как наша Земля, обитаемая планета. И люди на ней, наверно, такие же, как и мы. Хотя, возможно, и не такие. И все равно они притягательны, как загадки. Но встретиться с ними нам не дано, ибо наша Земля с каждым новым витком вокруг Солнца сатанеет и сатанеет, словно ведут ее пьяные капитаны.

Хорошо бы в такую дорогу без них, без расхристанных капитанов. Потому что однажды они ошибутся, и Земля, сорвавшись с привычного круга, полетит не около Солнца, а прочь от него, куда не отважится и безумец.

САМЫЙ ХРАБРЫЙ

Солнце такое текучее. С макушки сосны - на листочек берёзы. С листочка берёзы - на глыбку земли, по которой с улиткой, добытой в бою, не ползёт, а ступает, как воин, хозяйственный муравей, самый храбрый из всех обитателей на планете. Оттого и глядится он, несмотря на свой малый размер, внушительно и солидно. Не случайно лесное солнышко, как бы ни был угрюм и сумрачен бор, муравья непременно найдёт и, сверкнув светоносным лучом, дружелюбно погладит его по храброй головке.

КРАСНАЯ ВОРОНА

На острие вечернего луча, как на игле, летела красная ворона, и клин трепещущих осин, поляна с огороженным стожком и выступавшие из леса ивняки чуть-чуть приподнялись над сумраком земли, как если бы встречали эту позднюю ворону, готовя ей покой и отдых. Но птица, подгоняемая огненным лучом, летела к тёмному востоку, очерченному лини-

ей высоковольтной, где на плечах опор, как на распятых, сидели её дремлющие сёстры и думали о чём-то птичьим, с закрытыми глазами погружаясь в вороную ночь.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ГУЛ

Над моей головой - плывущие ощущение серые тучи. Между ними, как привидение, бледная спинка луны.

Вечер был и ушёл, уводя за собой горсть закатных лучей. За рекой, как за вечером, тёмные ёлки, в вершинах которых стоит, беспокоя окрестность, торжественный гул.

Неспокойно в груди, в то же время торжественно и сурово, словно ёлки гудят не на склоне горы за рекой, а во мне.

Памяти Сергея ЧУХИНА

БЕЗВОЛЬНАЯ БЛАЖЬ

Душа как пчела. Падает, падает в ароматы цветущего луга и, упав, растворяется среди цветов, не желая уже ни подняться в прежнюю высь, ни собраться в прежнюю волю. Это и есть та безвольная блажь, в которой ты ощущаешь себя не только полуденными цветами, но и проворной косой, подсекающей эти цветы.

Я СЛУШАЮ РОМАНС

Застолье. Гости. Рюмки с праздничным вином. Горячие и смелые слова. И вдруг «Калитка» - восхитительный романс, который все поют. И я пою.

Как пролетели эти десять лет, не знаю. Все то же славное застолье. Те же гости. Все те же рюмки с упоительным вином. Все те же смелые слова. И та же чудная «Калитка». Романс великолепен! Однако что-то в нем переменялось: поется он не около меня и не во мне, а вдалеке.

И тут является догадка, что я романс как раз и не пою. Я только слушаю его. И слушаю из прошлого, в котором задержался, забыв, что в предстоящей жизни я всего лишь - мельк кого-нибудь из братьев по застолью, кто, мгла от веселого вина, вдруг разглядит перед собой не толь-

ко барышню и кавалера из романса, но и меня.

ГДЕ Я?

Так тихо. Так темно. Так немо разрезают бахрому небес реснички мерклых звезд.

Где это я? В деревне, что ли? В распахнутых воротах старого сарая, откуда очень чутко ощущаю эту ночь, наполненную тишиной, в которой чуть слышны крадущиеся тени засыпающей деревни?

А может, я - вне времени, и на земле я - гость. И жизнь моя, как бы уже и не моя. И мне лишь кажется, что я стою в воротах ветхого сарая, хотя на самом деле я совсем не тут.

Так где же я в конце концов?

ВЫСШАЯ НАГРАДА

Ко мне, как к войсковому капитану, орден поднесли. Хотят его надеть на лацкан пиджака. И денег дать, как отличившемуся в этой жизни. А я уже устал. И мне не надо ничего - ни ордена, ни денег. Не надо и парадной суеты с красивыми речами, пожатиями рук и выстрелом шампанского куда-то в люстру или в потолок.

Подайте мне лишь два великолепия - покой и одиночество, и сверх того как высшую награду - блистательную ночь в сиянии высоких звезд, в которых я увижу всех своих друзей, умчавшихся туда, чтоб встретить там тот самый день, который наступает после жизни.

БУКАШКА

Казалось бы, гроза ушла. И вот опять гремит. Однако не с востока, где перевалы темных туч, а с запада, откуда бешено несется скандинавский ветер, приподнимая крыши изб и забирая в круговерть поленья, копны сена, куст крыжовника и стадо куриц с петухом, чье кукареканье летит над трубами деревни, как чья-то пропадающая жизнь.

- Спасите! - слышишь в петушином крике и, провожая взглядом всполохи ломающихся крыльев, сжимаешься и чувствуешь себя пе-

ред могуществом разгневанных небес хотя и боевой, но малосильной и бессмысленной букашкой.

СКОРБНЫЙ БРАТ

Его нашли за киосками под березой в пору осеннего листопада. Был он в присыпанной листьями белой рубашке, лысенький и невзрачный. В вытянутой руке трепетало прочитанное письмо.

- Кто такой?

Но ответить на это могли только листья березы, шелестя на лету.

- Это наш скорбный брат. Он упал среди нас и теперь, как и мы, превращается в землю.

ПО РЯБИНОВОМУ КОВРУ

Не зря горят на сентябрьской опушке оранжевые рябины. Это не только ягоды и листва, но и щемящая память о ласковом лете, щедром на солнышко, ливни с громами и разбросанный там и сям даровой урожай.

Былое, будто листва рябины, срывается с веток, летит, опаживая прокладой, и устилает душу твою успокоительной тишиной.

Идешь по осенней опушке и ощущаешь свой тяжелеющий шаг, словно кто-то удерживает за плечи и хочет, чтоб ты никуда отсюда не уходил.

Но ты продолжаешь идти. Ведь в прошлом не остаются. Прошлое просто проходит.

И ты проходишь его по большому рябиновому ковру.

МЕТКА

Старик глядел на покрытую травкой и лужицами дорогу. На ее повороте, около почты, право, архангелы - внук и внучка. Шли они ножка в ножку, оба босые, с личиками детей, охваченных счастьем. Он знал: это будущее его, продолжатели той самой жизни, которую он уже упускает. Вот так невидимо и неслышно произойдет перелив древней крови, какая текла когда-то в венах его отошедшей родни. И он отойдет. Но кровь, эта метка фамильного рода, останется той же, какой была постоянно

во всех веках и обоих тысячелетиях.

- Дедушка! - чисто, как ручейки, звенят голосочками внук и внучка. - Мы к тебе!

- Идите! Идите! - старику отрадно и весело.

Это ж надо дожить до такого, что к нему босиком по траве торопятся внуки!

НА ВЫЗОВЕ

С того света могут послать лишь тоску. Все ушедшие, если б такое было возможно, за огромное счастье сочли бы повторить свою жизнь на земле. Ибо всё, что уходит, и есть та предсмертная красота, перед которой мельчает привычная повседневность. Оттого человека с дряхлеющим сердцем в груди сильнее всего берedit вечернее угасание, как прощание с красотой, за которой стоят, как на вызове, ожидающие потемки.

ПРОЩЕНИЕ

Самое страшное, что ожидало матёрого грешника на рассвете еще неокрепшего дня, было прощение. И он, не поверив такому везению, разволновался, да так, что сердце не справилось с радостной вестью и изумленно остановилось.

СТОЛ И ПОЛЕ

Так водилось всегда: меж друзьями - обеденный стол, меж врагами - бранное поле.

А сейчас: где друзья? Где враги? Где то самое поле, на которое, как на пир, собирается воронье?

Поля нет. Зато есть небывалых размеров изысканно убранный стол. Ни друзей за ним, ни врагов. Захватило тот стол, как вороны развалины боя, золотое сообщество животов, у которых настолько хорошие аппетиты, что они сидят и сидят, и не будет конца их стоическому сидению.

ПЕРЕХОД

(Беседа с отцом Валерием)

- За грехи свои человек наказывается смертью.

- А если нет грехов? Он что, и не умрет?

- Умрет, но смерть его легка. Вернее, смерти у него как бы и нет. Безгрешник переходит из земного мира в неземной не мучаясь. Он даже не заметит, как уйдет туда.

У КУЗНЕЧИКА НА ПОЛЯНЕ

Облака. Как они медленно, еле-еле, перемещаются над землей. Не облака, а столетия. А в столетиях тех - катаклизмы и катастрофы, на обломках которых и продолжается наша жизнь - суетливая, с перепугом, как у кузнечика на поляне, по которой пустился с утра косилку, и ему от нее никуда уже не сбежать.

ЛЮБИМОЕ ЛИЦО

Любимые проходят, как во сне. Проходят около моей калитки. Их тени так живы, что я их путаю с обычными людьми, которых чрезвычайно много. Тем и чудны они, что шаг их как бы около земли - летящий, невесомый, неконкретный. Выходит, их и нет. И я один среди обиденных, ненужных мне подробностей и очертаний. Один, но все равно я узнаю очаровательные пальцы, которые вот-вот возьмутся за кольцо моей калитки, преграда отодвинется, чудесно хлынет свет - и я увижу самое любимое лицо.

СКЛОНЯЕТСЯ ДУША

К кому склоняется душа с признательностью и поклоном?

Пожалуй, к каждому, чья жизнь отмечена запоминающимся крахом, вместившем гибельный поступок смельчака и злую смерть, что повалила под себя, и человек досрочно выехал на катафалке в мертвый город, где похоронено огромное количество людей, унесших миллионы тайн, которые не раскрывают.

ТАЙНАЯ ИДЕЯ

Иные втайне про себя считают, что человечество спасется, если уничтожить самых слабых, неспособных, старых и больных, оставив для потомства только сильных и умелых.

В этой кощунственной идее не учтена способность каждого из нас нести утрату по тому, кого ты должен был сберечь, но не сберег. И это траурное чувство с годами разрастается, как нелечимая болезнь. Поэтому и нас пометят крестиком ужасного отбора. Избавятся, оставив лишь бесчужденных и сильных.

Так, что ли, и на самом деле будет?

- Так! - улыбнется человеко-робот.

- Нет! - стиснет зубы человек-боец.

СИРОТКА

Среди гуляющих по улицам людей я вдруг увидел девочку в цветастой тюбетейке. На узких плечиках - потрепанная шаль. В руке - коробочка, куда бросают мелкие монетки.

- Такая грустная? Откуда? - спрашиваю ее.

Чуть раздвигает уголки губ:

- Из Грозного.

- И с кем ты тут?

На остренькое личико ложится тень. Молчит.

Я понимаю, что передо мной на каменном крыльце универмага с коробочкой в руке, куда бросают тусклые монетки, не просто девочка, а девочка-сиротка с мертвым сердцем, через которое проехала война, оставив маленькую в этом мире, как в ночи, где ничего не видно. Но все равно идти куда-то надо. Всего скорей, туда, куда идти нельзя.

ДАЛЕКИЙ СТУК

Нет семьи последнего Государя. Но есть ужасное волнение, с каким наменная к смерти плоть цепляется за жизнь, хватая тот чудесный воздух, без которого она ничто. И этот воздух с его тленом, скорбью и расправой остался в памяти моей, возможно, потому, что он вместил в себя историю России, и нынешнее время, и меня, к кому в минуты потрясающих раздумий подходит отдаленный стук замученных сердец, с которым в тот жестокий день ушла семья последнего Государя. Ушла, как по утрам уходит ночь, цинично обнажая в трепетных лучах зари развернутые тени тех, кто убивает.